

НАСТОЯЩИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Р. Ф. ТРУНИН

Б. Г. Музрукова сменил на посту директора института Лев Дмитриевич Рябев. Это было в 1974 г. Его молодость, великолепные организаторские способности, хорошее знание тематики института, смелость в принятии решений, доступность для сотрудников — все это способствовало быстрому росту его популярности.

Рябев был моим сокурсником по институту. Мы учились в МИФИ и вместе с группой студентов приехали на «объект» на преддипломную практику, вместе защищали дипломы, несколько лет работали в одном отделении, только в разных отделах. Но потом наши пути разошлись: я продолжал заниматься исследовательской работой, Рябев пошел по партийно-хозяйственной линии. Он перебрал ступеньки иерархической лестницы от секретаря парторганизации сектора до второго секретаря городского комитета, стал заместителем главного инженера института, а затем начальником оборонного отдела обкома партии. В его ведении оказалась вся оборонная промышленность области! Да какой! Вот с этого поста он и попал в кресло директора института. Правда, формально примерно год был первым заместителем директора.

На его время пришелся пик подземных испытаний. Трудно сказать, каким образом Рябеву удалось организовать работу опытного завода и различных служб института, чтобы в течение 1976–1978 гг. обеспечивать испытания более двадцати зарядов в год! В сравнении с одним десятком испытаний в предыдущие годы. Но что было, то было. При нем после определенного зстоя заметно оживилась и научная жизнь в институте. Ничего, казалось бы, не произошло: как обычно проходили научно-технические активы, заседания научно-технического совета, партийные активы и т. п. Но на мероприятиях стали видеть директора. И не просто в качестве статиста. В качестве активного действующего лица, ответственного и знающего дело. Он специально готовился к каждому мероприятию, какого уровня оно бы ни было. Как это происходило, знаю по собственному опыту.

У нас готовился очередной актив по итогам работы сектора за год. Заранее пригласили директора. Он согласился, но попросил напомнить ему об этом, когда будут готовы материалы актива. Я работал над проектом решения по докладу

Л. М. Тимонина, начальника нашего сектора. Когда документы были подготовлены, я позвонил Рябеву и сказал ему об этом.

— А материалы доклада у тебя? — спросил он и, получив утвердительный ответ, тут же назвал время, когда сможет подъехать (ситуация необычная: директор приезжает к сотруднику, а не наоборот!)

В назначенный час он был у меня и, не спеша, внимательно ознакомился и с тезисами доклада, и с проектом решения актива. Выяснил все вопросы, ответил на все мои (нельзя же было не воспользоваться этим случаем!) и только после этого уехал. Он был готов к активу. Надо ли говорить, что его выступление было аргументированным, отличалось конкретностью и хорошим знанием дела.

Попасть на прием к директору стало так же легко, как и к научному руководителю. Приходи в приемную, и если у директора нет совещания, он примет тебя. Сотрудники научились с пользой для дела пользоваться этим. И пожалуй, самое главное — дверь всегда оставалась открытой для посетителя, если вопрос, по которому он приходил на прием, сразу не был решен.

Я уже говорил, что в это время был пик испытаний зарядов. Мы без конца мотались с полигона на полигон, с севера (Новая Земля) на восток (Семипалатинск). Как-то после моего возвращения из командировки мне позвонил директор:

— Ты бы зашел после работы ко мне.

— Зайду, конечно.

При встрече мы долго беседовали не только о проведенных испытаниях, но и об условиях работы, быта, оплаты труда и т. п. Договорились, что впредь, после очередной командировки, я буду подробно информировать его о полученных результатах. Так и было. По крайней мере, до тех пор, пока Рябев оставался директором. Как правило, я заходил к нему после работы: Рябев никогда не уходил домой раньше 8–10 часов вечера, и визит к нему в это время был наиболее удобен. Обычно я, заглянув в кабинет, спрашивал:

— Лев Дмитриевич, у тебя время есть?

— Есть, есть! Давай выкладывай, с чем пришел? Что намерили?

И начинался разговор. Как правило, мы никогда не касались личных вопросов, хотя некоторые

общественные дела порой обсуждались с директором. Например, был у нас, испытателей, такой большой вопрос. На предприятии существовало несколько категорий сотрудников, получающих те или иные льготы. Наиболее престижным был так называемый «первый список», в соответствии с которым полагался ряд льгот, в том числе пенсионный возраст для мужчин устанавливался в 50 лет. Критерии же отнесения лиц к этому списку были настолько жесткими и сложными, что формально ни один из испытателей не мог быть отнесен к «первому списку». Выслушав мои доводы по изменению существующего порядка, директор сказал:

— Давай договоримся так. Ты составишь список сотрудников, постоянно (он подчеркнул это слово) участвующих в испытаниях, а я утвержу

В НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ

Начало 90-х. Эйфория от Ельцина. Пустые магазины, пустые карманы. Гайдар, Чубайс, реформы, перестройка...

Сейчас уже всем ясно, что мы шли своим, но далеко не оптимальным путем. Но старались-то наши руководители всех сортов сделать как лучше. Что же подделаешь, если получилось как всегда? Тут и появилось это самое ГКЧП. Там тоже старались как лучше. Им не дали «достараться» — отправили кого в Матросскую тишину, кого просто снимали с постов. По принципу: не осудил публично (и вовремя!) этих «отщепенцев» — отправляйся «на отдых». А не отправили бы — может, и не стало бы так худо. Ведь и ГКЧПэшники, вроде, тоже старались, как лучше.

Посыпались головы. У «побежденных». У тех, кто «не одобрямс». А у нас всегда так: лес рубят — щепки летят. Попал под эту кампанию и Л. Д. Рябев, тогдашний зам. Председателя Совмина. Попал, скажем так, за зря. Но полетел не только с должности — остался вообще без работы. Сняли. Не помню точно, но, по-моему, месяца два, не меньше, Рябев не работал, «отдыхал». Обидно. Шел-шел по этой лестнице вверх, оставиваясь время от времени на «лестничных клетках» (то бишь на высоких государственных постах), оставлял везде за собой добрую славу и добрые дела. И на тебе! Без работы!

Многие тогда раздумывали над сложившейся в государстве ситуацией, но сделать ничего реального не могли. И придумать тоже не могли. Но писали бумаги, в том числе на САМЫЙ ВЕРХ.

его, это будет основанием для отнесения их к первому льготному списку.

На том и решили. Вскоре такой список был составлен, утвержден, и, к нашему большому удовлетворению, вечный вопрос о «первом списке» был решен.

К моему сожалению, да и не только к моему, Рябев не долго проработал директором нашего института. Не знаю причин перевода (он был назначен заместителем министра), но в институте упорно ходили слухи о том, что его подвела его же активность: два руководителя (а Рябев быстро стал настоящим руководителем) — для одного института слишком много. Так это или нет — сказать трудно, но то, что Рябев покинул институт с тяжелым сердцем и с неохотой, это так.

Об одной такой бумаге и пойдет сейчас речь. Инициатором ее, по крайней мере, первым, кто в разговоре со мной высказал мысль написать бумагу в защиту Рябева, был Ю. А. Осипов, сотрудник теоретического отделения, теперь ИТМФ. А еще перед этим, в «Городском курьере» появилось письмо Л. Д., в котором он пояснил свою позицию в вопросе этого самого ГКЧП.

Чтобы читателю она была ясна, письмо Рябева приводится ниже. Ну, а рядом с ним и наше письмо, посланное президенту. Подписали его практически все доктора наук, большинство из тех, кто в то время находился на месте.

Мы тоже думали сделать как лучше для института. Но получилось — как в таких случаях чаще всего и бывает — как всегда, т. е. никак. Бумага затерялась где-то в столах высоких чиновников. Какое-то время Рябев еще помаялся в безработных, затем руководство нашло все же для него пост советника (или консультанта?) при министерстве, формально сделав его заместителем директора ВНИИЭФ. Там он и работает по сей день. Говорят, работает успешно. А иначе он и не может.

Только думается, что наша отрасль много потеряла из-за того, что в те, теперь уже далекие времена, толковый, грамотный и честный человек (!) оказался волею одного высокопоставленного государственного чиновника не у министерских дел. Демократия.

ТРУНИН Рюрик Федорович —
начальник отдела ИФВ РФЯЦ-ВНИИЭФ